

ТИМУР ПУЛАТОВ

МЛАДОБУХАРЕЦ ПРОТИВ МЛАДОТРОЦКИСТОВ

3. “Прорыв сектора Газы”

В первый день после изгнания неугодных начальников мой кабинет сотрудники старательно обходили стороной, по всем вопросам обращаясь к Суворовцеву. Он был привычен, удобен и сведущ во всём, начиная с ремонта стульев и кончая количеством скрепок и карандашей, выдаваемых сотрудникам раз в декаду завхозом. Это не вызывало во мне никакой служебной ревности к нему – наоборот. Всё свободное время я изучал архивы. Начал из любопытства – кто, сколько раз и куда ездил за границу. Оказалось, больше всех – Евтушенко. Двух важных материалов архивариус так и не смогла найти на полках: протокол обсуждения альманаха “Метрополь” в Московской писательской организации и стенограмму исключения Александра Исаевича Солженицына из членов Союза писателей СССР. Кто-то, воспользовавшись революционными событиями 21–23 августа, выкрал увесистые тома. Пришлось объявить выговор архивариусу за халатность и поручить ей вместе с сотрудниками из ЦГАЛИ – Центрального государственного архива литературы – составить каталог документов.

Но буквально на следующий день, ещё не успев во дворе развеяться пепел от сожжённого чучела Евтушенко, настороженное отношение сотрудников ко мне стало меняться. Не понял поначалу, что на это повлияло. Ведь сотрудники канцелярии, отдела творческих кадров, бухгалтерии, так мечтавшие о прежнем спокойствии, о стабильности, с появлением здесь команды Евтушенко были напуганы разладом среди писателей и распадом в итоге “большого Союза”. Так что же повлияло на исчезновение недоверчивого отношения ко мне, “азиату”, который, по большому счёту, незаконно занял кабинет, из которого ещё не выветрился дух Федина, Фадеева, Маркова, избранных законно и почётно?..

По неосторожным репликам и замечаниям сотрудников я понял, что большинство из них неприязненно относится к новоявленным секретарям-апрелевцам, в особенности к Савельеву, вознесённому “из грязи в князи”. История моего участия в похоронах Г. М. Маркова стала менять отношение ко мне в лучшую сторону. Да и Анатолий Жуков, к которому большинство здесь, осо-

* Продолжение. Начало в №3–4 за 2013 г.

бенно дамская часть, относились с теплотой, потрудился на мой положительный имидж.

Лариса Александровна Ларионова, нередко заменявшая болеющую диалогом Антонину, первая обратила моё внимание на то, что “смотрящие” за мной появляются теперь не по одному, а по пять-шесть человек. Черниченко, Нуйкин, Приставкин в назначенное время собираются в кабинете Савельева и, закрывшись изнутри на ключ, что-то горячо обсуждают. Оскоцкий в моё отсутствие звонит куда-то по правительственной связи. Я, конечно, доволен, что после стычки с Оскоцким и злой шутки насчёт возведения стены вокруг Союза писателей России, чтобы “русопьятые” не смели больше совершать набеги на вотчину Евтушенко, вся эта братия перестала ходить ко мне, затаив злобу.

Финансовые и хозяйственные документы, которые ранее приносили мне на подпись, теперь, превышая свои должностные полномочия, визировал Артём Анфиногенов. Впрочем, какое это имеет значение, когда с первого дня их пришествия были нарушены все уставы и законы?

Не только я, но и они почувствовали облегчение с отъездом Евтушенко. Единственного оставшегося из старой команды – Константина Скворцова – заставили подать заявление об уходе из-за давней неприязни к нему Оскоцкого и Савельева. Евтушенко не давал Скворцова в обиду, держа его в “кадровом резерве”. Как признался мне как-то сам Скворцов, Евтушенко с самого начала захвата власти в Союзе дал ему понять, что, мол, если Пулатов не справится, тогда местоблюстителем назначат его, Костю.

Интуиция подсказывала мне, что теперь эта компания плетёт интригу против меня. Я сказал сидевшей в приёмной Ларисе Александровне:

– Без меня никого не пускайте к моим телефонам, – и направился во двор, где Бак ждал меня в машине. Накануне, высокомерно поведя бровями, он заявил, что Гавриил Харитонович Попов подписал распоряжение о передаче мне квартиры писателя Рыбакова, отбывшего на ПМЖ в Штаты, и даже позвенел связкой ключей.

– Надо посмотреть квартиру, – не скрывая волнения, сказал я. – Идите в машину, я следом.

– Может, когда получим ордер? – Баку явно не хотелось ехать.

– Александр Владимирович, вы меня слышали?!..

Когда он вышел, я набил в рюкзак несколько своих книг, а также книги с дарственными автографами Карпову, оставленные на полке ретировавшимся Владимиром Васильевичем.

Не доезжая Белорусского вокзала, пересекли улицу Горького в сторону Лесной (как сейчас помню: ул. Палиха, дом 7/9, корпус 2, кв. 40).

Бак деловито, видно, бывал здесь не раз, отключил сигнализацию. Две большие комнаты с высокими потолками, широкая прихожая – здесь голову Анатолия Наумовича посещал целый рой образов – начиная от “Кортика” и “Бронзовой птицы” до “Детей Арбата”. Сакральное место, куда надо входить, как в храм!.. Уходя, оставил в углу прихожей рюкзак с книгами как неприкосновенную частную собственность, в случае если кто-то вздумает поселиться здесь.

– Да что вы?! – пытался успокоить меня Бак на обратном пути. – Моссовет – хозяин города. Разве кто посмеет?!.. Осталась малость, но самое нужное и канительное – ходить из отдела в отдел визировать ордер. – И добавил ностальгически: – Во времена, когда хозяином был товарищ Промыслов – сколько я этих ордеров выбил для писателей... Но тогда волокиты было меньше. И всё из-за авторитета нашего руководителя – Георгия Мокеевича Маркова...

Младотроцкисты тем временем продолжали собираться за закрытыми дверями, всем своим поведением показывая, что, одолев Скворцова, вступают в конфронтацию со мной. Что им неймётся?.. До сих пор, сколько бы ни размышлял на эту тему, так и не оформилось осознание их целей и задач.

По всему было видно, что они затеяли идейную, мировоззренческую борьбу, а “художникам слова” надо сильно поддаться чьему-то науськиванию, чтобы поднять тяжёлые задницы от письменного стола...

В журнале “Русский переплёт” критик Попов высказал следующую мысль: “Русский вопрос... был нагнетён до своей крайности, расколол на партии писателей, стоящие за их именами журналы, обезобразив литературную, да и общественную жизнь...”

Ситуация ясна. Чтобы не казаться младотроцкистам марионеткой, которого они наняли для распределения скрепок и карандашей сотрудникам, я решил опередить их, переиграть и определиться с местом в более достойной, хотя и трудной борьбе – мировоззренческой. Тем более, есть начальный и ясный повод начать борьбу: восстановление законности и поправленных прав писателей. Те, кто пришёл с Бондаревым, принесли и такие плакаты: “Требуем восстановить законность”, “Требуем срочного созыва очередного IX съезда писателей СССР и решить споры не наветами и запретами, а демократическим голосованием!”

Младотроцкисты, поднаторевшие в интригах и клевете, в борьбе, как потом выяснилось, не жалеют и своих, ослабевших. В их руках – большая часть СМИ, власть благосклонна к любым их прихотям. На моей стороне – большинство сотрудников, но пока что недоверие и даже враждебность Союза писателей России. Первый шаг – объяснить с Бондаревым. Но поймёт ли, поверит ли моим благим намерениям этот своенравный, эмоциональный, хотя порой по-детски непосредственный человек?..

Я вспомнил о том, как мы подружились с Борисом Романовым во время поездки в Китай два года назад. Он, как и Юра Кузнецов в Риме, почти не выходил из гостиничного номера, и мне буквально приходилось тащить на себе тяжёлое тело – к автобусу, к поезду, к трапу самолёта.

Я предложил Борису Степановичу встретиться и переговорить – не на нейтральной территории, как он предлагал, в ЦДЛ, – а у меня в кабинете, на виду у всех. Этим я как бы подводил некую черту.

Итак, я поглядывал во двор, немного нервничая.

Младотроцкисты все уехали на заседание в Пен-центр, членами которого являлись. Хотелось встретиться с Борисом Степановичем без лишних свидетелей.

Наконец, он ввалился в кабинет, напевая под нос песню о ямщике и делая рукой какие-то замысловатые движения, что показывало высокий градус его хорошего настроения. Остановившись, он хозяйским взглядом осмотрел кабинет, где, по всей видимости, давно не был.

– Всё на месте, – сказал Романов, протискиваясь в узкую дверь комнаты отдыха, куда я его пригласил. Мы обнялись, вспомнили, как он в Пекине повздорил с председателем Украинского Союза писателей Мушкетиком: кому от кого следует отделяться – России от Киевской Руси или наоборот. Уже тогда споры на такие темы между националами, хотя и велись робко, но при каждом удобном случае с подсчётами, кто кого кормит хлебом, салом, снабжает хлопком и поит вином.

– Ну, ближе к делу, Борис Степанович, – начал я, боясь, что нас застукнут на “тайной вечере”.

А он всё не унимался, довольный нашей встречей:

– Где ты ещё успел побывать, начальник, после Пекина?

– Вчера из Вены. Был на конгрессе Пен-клуба...

Романов, удивлённо вытянул губы, скривился, но промолчал.

– Какое такое у тебя дело? – спросил он.

– Мне надоело всё, что здесь происходит, – высказал я то, что обдумывал все два дня, прогуливаясь по улочкам Вены в свободное от конгресса время. – Пока я уполномочен выносить решения и распоряжаться финансами, я отменю протокол о незаконном роспуске оргкомитета съезда и буду готовить очередную IX съезд писателей СССР. Поможет мне в этом Союз писателей России?..

Романов, долго поглаживая бороду, смотрел на меня. И сказал:

– Все, кто тебя знает, говорили, что ты придёшь к такому решению. И Жуков убеждал Бондарева, и Стас Золотцев... Конечно, поддержим!

Романов на полуслове остановился, когда дверь без стука раскрылась, и в комнатку шагнул запыхавшийся Суровцев и как ни в чём не бывало сел между нами, устремив на Бориса немигающий взгляд сквозь стёкла своих очков.

Я еле сдержал себя от такой бестактности. Кто-кто, а Юрий Иванович, давно знавший меня по поездкам в Узбекистан, вёл себя не так бесцеремонно, как бригада смотрящих. Никогда не лез к столу, интересуясь бумагами, возможно, потому что знакомился с ними ещё до меня в канцелярии.

– Вспоминаем, как ездили в Китай, – объяснил я бесстрастно. – Давно не виделись...

Конечно, это всё устроила Антонина, сидевшая в приёмной, но удивительно, как быстро успел приехать по её звонку Суровцев из Переделкино – буквально за полчаса. А ведь когда разгоняли старый секретариат, он подспел лишь к шапочному разбору, сославшись на сбой в движении электричек, что и спасло его от увольнения, хотя, возможно, Оскоцкий заранее замолвил словечко перед Евтушенко за своего приятеля.

– Да, весело было, – Романов угрюмо повернулся к Суровцеву: – А ты, Юрий Иванович, небось, только коньячком балуешься?..

Суровцев в ответ пожимал плечами. Борис же Степанович, понимающе глянув на меня, сказал:

– Здесь у вас, говорят, бесплатными обедами потчуют... Проводи-ка меня в столовую, Юрий Иванович, не откажи в любезности... .

В столовой, надо сказать, Романова приняли за большого начальника, и новорусский ресторатор вилса вокруг него мелким бесом:

– Армянский коньяк, финскую водку или чешское пиво?..

– И пиво тоже, – войдя в роль, важно отвечивал Степаныч и рассмеялся... .

* * *

Решение порвать с младотроцкистами созрело во мне на 59-м конгрессе Международного Пен-клуба в Вене, куда я был приглашён от Среднеазиатского Пена.

Но для начала хочу поделиться своим впечатлением о самом Пен-клубе, элитарной писательской организации, хотя, просматривая список приглашённых на конгресс, открытый для всех (не как в масонской ложе), я не обнаружил в нём ни одного писателя с мировым именем. Кроме Гюнтера Грасса, которого теперь, я думаю, уже исключили из членов клуба за стихотворение, опубликованное в немецком журнале в марте 2012 года, где он главной угрозой миру называет Израиль. С антисемитизмом в Пене очень строго!

В тот момент клуб насчитывал около десяти тысяч членов – ровно столько, сколько было членов распавшегося вскоре Союза писателей СССР. Либеральный по уставу и целям Пен – сложная структура, охватывающая все страны мира. Пусть в некоторых странах пишущих людей едва наберётся с десяток, пусть пишут они хоть на глиняной табличке, хоть на берёсте, хоть на клыкке мамонта – неважно. Главное, что их объединяет организация, часть всемирной духовной и интеллектуальной системы глобализации, стирающая все национальные особенности и различия. Культура в таком случае становится придатком глобальной политики и экономики и служит им.

В нашу русско-азиатскую делегацию входил Владимир Маканин, удививший меня тем, что все двадцать лет нашей дружбы носил, видимо, не снимая, свитер польского производства, обмененный у меня за кольцо краковской колбасы во время нашей учёбы на Высших сценарных курсах. Был и некий молодой человек – Александр Михайлов, сын критика А. Михайлова, основавшего Клуб независимых писателей. Сын критика пошёл по стопам своего отца и стал издавать модернистский журнал “Соло”. Он оказался докой в области моды и настойчиво предлагал мне купить в венском магазине двубортный пиджак.

Возглавлял делегацию Владимир Юрьевич Стабников, коммерческий директор Русского Пен-центра. Он оказался человеком всезнающим и рассказывал про отель “Хилтон”, где нас поселили, что в этом отеле останавливался сам знаменитый африканский людоед, бывший император Бокассо, будучи экстрадирован в Европейский суд по правам человека. Ну, и всякие персоны помельче: актриса Элизабет Тейлор, боксёр Мухаммед Али, арабские нефтяные шейхи и т. д.

Но мой пиетет к Всемирному писательскому сообществу ослабел после того, как меня как “небелого” человека подселили в номер к некоему москвичу, выдававшему себя за таджика, приехавшего по квоте Среднеазиатского Пена. Лжетаджик этот был креатурой Стабникова и безропотно выполнял все его поручения. Единственное, что было удобно, – я его почти не видел, так как он уносился куда-то, когда я ещё спал, а заявлялся в номер, когда я уже видел сны. Зато в номере после его ухода весь день стоял густой запах виски, кубинских сигар и бифштекса с кровью из местного дорогого ресторана.

Стабников уклончиво объяснил подмену представителя Средней Азии на москвича обычной практикой обмена квотами между Пенами, но, видимо наслышавшись о моём взрывном характере, дружески взял меня под локоток и повёл в Конгресс-холл.

Здесь делегатов более чем ста региональных Пенов поздравил с открытием Конгресса председатель мирового клуба г-н Александр Блок, никак не похожий на нашего великого поэта, зато как-то подозрительно смахивающий на пронируливого квартирмейстера СП Бака – такой же вальяжно-надменный, и неудивительно, что оба они оказались выходцами из Одессы, можно сказать, с родовым знаком этого города.

В небольших уютных залах “Хилтона”, разделившись по тематическим вкусам, “бессмертные” обсуждали заранее сформулированные канцелярией Блока вопросы, сплошь политизированные: “Писатель и тоталитаризм”, “Роль писателя в перестройке в СССР” – должно быть, имелась в виду роль “Апреля”...

Я был заранее определён Стабниковым для обсуждения “насушной” темы: “Писатель в борьбе с фашизмом, расизмом и антисемитизмом”. Верно, он полагал, что коли я из команды Евтушенко, то вместе с его младотроцкистами я приобрёл неоценимый опыт в борьбе, как выражаются китайцы, с “тремя цветами зла”. Подумалось, что г-н Блок зря не провёл Конгресс в Москве, ведь там в те дни можно было найти богатый материал по борьбе с “русским фашизмом”.

Забегая вперёд, скажу: сразу после возвращения в Москву в Русском Пен-центре случился финансовый скандал с участием коммерческого директора Стабникова, после чего тот спешно эмигрировал в Лондон.

Русский язык не был в числе рабочих языков Конгресса, а на немецком я знал лишь несколько слов и потому чувствовал себя случайным среди “бессмертных”. Маканин пытался вставить в беседу с клубовцами несколько англицизмов, благодаря своей напористости легко знакомился, обменивался визитками, всё время имея перед глазами франко-русский и русско-немецкий туристический разговорник.

С нетерпением дождался заключительного дня, когда “бессмертных” снова собрали в конгресс-холле. Повестку дня рассказал мне Стабников, которого я заставил сидеть рядом и переводить, пригрозив: “Послушай, Стабников, я очень зловерный, могу и донести вашему президенту Битову о твоих здешних делишках”.

Руководители секций докладывали о проделанной работе, затем делегаты проголосовали за подготовленные канцелярией Блока резолюции и обращения Конгресса к мировым лидерам, после чего – бальные танцы под мелодию “Прекрасного голубого Дуная” и “Сказок Венского леса” и прощальный ужин от имени президента Пен-клуба. “Как в лучших светских домах Европы,” – подчеркнул Стабников.

Пока “антифашист” Запотанек отчитывался о работе секции, куда я был записан, Блок поспатривал то на карманные часы, но на боковую дверь, ведущую к столу президиума.

Нетерпение Блока передавалось и мне, хотя меня с первого дня Конгресса не покидало ощущение, что я вовлечён в такое же действие, как в Союзе писателей на следующий день после ухода со сцены ГКЧП, только в большем масштабе: все предрешено заранее, а ты один из статистов.

Но вот председательствующий Блок вскочил с места и бросился к боковой двери с распостёртыми объятиями. На площадку президиума упругим шагом, сразу узнаваемый по газетным фотографиям, вступил Лех Валенса. Да, это был он – гданьский судоремонтник, ставший президентом Польши!.. Наши доморощенные младотроцкисты, столько иронизировавшие над словами Ильича о “кухарке, управляющей государством”, теперь могли видеть живой пример такой кухарки!

Блок дружески обнял Валенсу и повёл его к столу, делая знак залу, – все поднялись, встречая почётного гостя одобрительными аплодисментами. Прервав на полуслове Запотанека, Блок объявил, что предоставляет трибуну почётному гостю, ибо тот намерен, после напутствия писателям, срочно возвращаться в Варшаву к государственными делам.

Плотно сбитый Валенса, поправляя усы на бесстрастном лице, навалился на трибуну. Надев лихорадочно наушники, Стабников словно удалился от

меня, весь внимая важной персоне революционера. В то время все соседние с Польшей страны, по принципу домино, словно по указке невидимого режиссёра, сменяли правящие режимы так же, как и в Москве, — при помощи кричащих толп. Мне казалось, что Валенса — один из кумиров толпы — будет сейчас делиться опытом управления массами.

Валенса часто упоминал Адама Мицкевича, ориентируясь на интеллектуальную аудиторию, и, в отличие от Льва Давидовича Троцкого, не призывал к террору против старой власти. Говорил лидер “Солидарности”, насколько я понял по общеславянским корням его речи, о народовластии.

Из бесцветной и краткой речи Валенсы я сделал вывод, что он выполнял чисто ритуальное действие, или, как у нас говорят, “отметился на мероприятии”. Действительно, стоило ли откладывать государственные дела, лететь из Варшавы в Вену для не очень точного цитирования Мицкевича и набивших оскомину сентенций о народовластии?.. Моя уверенность, что Пен-клуб на деле — часть более глобальной организации, меняющей политические режимы, сбрасывающей негодных правителей, выдвигающих новые лица на авансцену политической борьбы, типа Валенсы, Сахарова и других, ещё более утвердилась, хотя я и не сторонник теории заговоров. Какой заговор, когда всё делается открыто: возбуждёнными толпами, благодаря деньгам и предателям.

Валенса как неожиданно появился в зале, так же неожиданно закончил свою речь и, отойдя от трибуны, направляясь к выходу, поднял над головой мускулистую руку с разведёнными пальцами в форме латинской буквы “V”, что означало — “виктория, победа”.

Напряжение, вызванное речью легендарного Леха, спало, и в зале началась перебранка между представителями различных национальных делегаций. Запомнилась короткая перепалка между сербским пеновцем и делегатом из Албании. Эта ситуация обострилась после того, как Мехмет Нур на ломаном английском языке зачитал резолюции с осуждением режима Слободана Милошевича, якобы осуществляющего геноцид косовских албанцев. Серб с места выкрикивал, что это ложь, и требовал послать делегацию для установления истины. Его не слушали, и резолюция пошла по рядам для подписи руководителями делегаций. Поднявшееся во мне стихийное чувство протеста заставило меня отказаться подписать этот сомнительный документ.

— В чём дело? — шепнул Стабников.

— Я не подписываю тексты на английском. Как-то подписал с одним маклером договор на греческом в Ташкенте, так чуть не лишился квартиры...

Стабников удивлённо посмотрел на меня, и в зрачках его глаз я впервые увидел чёрные точки...

А смысл и назначение документа, под которым я не поставил подписи, стал мне понятен только через пару лет, когда наша либеральная пресса, как по оплаченному заранее заданию, обвинила власти Югославии в геноциде национальных меньшинств, что явилось своеобразной артподготовкой к натовским бомбёжкам этой страны.

В “Хилтоне” начались танцы. Меня от этого праздника жизни удержало моё неумение танцевать европейские вальсы и танго. Я вышел из гостиницы и пошёл по направлению к старинному замку. Вышел к речке, почти пересохшей, должно быть, притоку прекрасного голубого Дуная, и столкнулся тут лицом к лицу с Василием Аксёновым. Оба мы удивились, но дружески обнялись.

С Аксёновым я познакомился в салоне-квартире Беллы Ахмадулиной, куда привёл меня Андрей Битов. На обсуждение ещё рукописного альманаха “Метрополь”. Белла Ахмадулина представила меня собравшимся как “тихого оппозиционера”, знакомого ей ещё по Ташкенту.

И вот теперь я встретил Аксёнова на конгрессе.

— Я знаю краткий путь к замку. — Василий Павлович ловко перепрыгивал с одной кошки на другую и так перешёл речку, увлекая и меня с собой.

— Семнадцатый век, — желая удивить меня, сказал Аксёнов, указывая на старинный замок. Знал бы он, что всё моё детство прошло в играх на площади перед бухарским минаретом XI века, на который с удивлением взирал сам Чингисхан, задрав голову и придерживая лисью шапку, сползающую с затылка.

С тех пор я не встречался с Аксёновым. Знал, что он уехал читать лекции в США, а затем прочно обосновался во французском Биаррице. Дал Аксёнов о себе знать в кровавом октябре 1993 года, заявив по поводу защитников Парламента: “Этих сволочей надо было стрелять. И если бы я был в Москве, то

тоже подписал бы это письмо в “Известиях” (В. Шохина. “Перешагнув через себя. Уроки Октября 93-го и творческая интеллигенция.” – “Независимая газета” от 3.10.2003).

Когда, не помню уже, по какому поводу, я рассказал Юрию Васильевичу Бондареву о Венском конгрессе писательского клуба, то узнал от него дополняющий штрих на сей счёт. По желанию идеолога страны А. Яковлева в апреле 1989 года в Союзе писателей решили срочно “слепить” свой, советский Пен-центр во главе с Даниилом Граниным. В списке учредителей: Ю. Бондарев, В. Распутин, В. Белов, П. Проскурин. Секретариат Союза добавил в перечень учредителей и имена многих “апрелевцев”. И тогда Бондарев, а с ним Распутин, Белов и Проскурин заявили о своём выходе, ибо, по словам Юрия Васильевича, среди них оказались те, “. . . с кем он был в нравственном несогласии по отношению к литературе, искусству, истории и общечеловеческим ценностям. . .” (“Новый путеводитель”. С. 32).

Об этом мы говорили в тот день, когда впервые за много месяцев я приехал в Союз писателей России по приглашению его председателя. В кабинете Бондарева собрались В. Романов, С. Лыкошин, Г. Гусев, Ю. Лопусов, чтобы поговорить о дополнениях в состав разогнанного 23 августа оргкомитета IX съезда Союза писателей СССР. Без лишних споров и суеты вместо сбежавших с боевого поста Колова, Грибова и компании, А. Ваксберга, эмигрировавшего во Францию, вписали новых членов. И решили просить Сергея Владимировича Михалкова снова его возглавить. Но тот категорически отказался, пообещав поработать вместе с нами над подготовкой съезда, назначенного на начало июня 1992 года.

Первое собрание оргкомитета решили проводить в “Доме Ростовых”, открыто заявив о своих правах на здание. Но после ритуального сожжения во дворе дома чучела Евтушенко Анфиногенов распорядился строго охранять здание, как стратегический объект, наняв для этого свирепых ЧОПовцев. Главбух Ковалёва отказалась оплачивать охранников из пустой кассы. Но ЧОПовцы стойко стояли у входа, проверяя каждого по списку или членскому билету. Сотрудники поговаривали, что они на содержании у олигарха Гусинского или Авена, имевших виды на особняк в центре Москвы для размещения банка или гольф-клуба, так как, по их представлениям, Союзу писателей оставалось существовать недолго.

Ближе к полудню, услышав во дворе возбуждённые голоса, я увидел в окно Бондарева с товарищами, приехавшими на заседание.

Я вышел им навстречу, распорядившись открыть широкий вход. ЧОПовцы, наслышанные о моём строгом нраве, вытянулись по стойке смирно слева и справа. И пока человек десять-двенадцать поднимались на второй этаж, отпуская шутки в адрес гипсовой Афродиты в нише, я успел краем глаза заметить, как Анфиногенов, Оскоцкий и Савельев защёлкивали изнутри двери своих кабинетов. И в такой же панике, как при первом появлении тех, кого они называли “шпаной”, они бросились к телефонам за нарядом милиции, названивая Аркадию Мурашову.

Сергей Лыкошин, Борис Шереметьев, Юрий Лопусов, которых со дня захвата Союза писателей не пускали на порог этого дома, всматривались в стены коридора, увешанные портретами писателей, выполненными фотографом Николаем Кочневым – летописцем писательской организации со дня её основания. Было видно, что “отверженные” довольны тем, что всё здесь осталось, как и прежде, когда им в этих стенах вручали членские билеты.

Рядовые сотрудники, измученные неопределённостью и слухами о скором роспуске Союза, встречали прибывших приветливо, довольные тем, что писатели вновь объединяются. Следом потянулся, прихрамывая, Михалков в компании Анатолия Жукова и московского “начальника” писателей Владимира Ивановича Гусева.

Едва отдышавшись, он сообщил новость: либералы организовали свой “демократический” союз, избрали главой Юрия Черниченко и рассылают всем членам Союза писателей письма с разъяснением “фашистской” сути гусевской организации и просят присоединиться к компании Черниченко.

Едва все расселись в большом кабинете Маркова, как Сергей Владимирович, не переступавший порог “Дома Ростовых” с того дня, как младотроцкисты устроили ему допрос с пристрастием, первым делом высказал обиду в адрес “Московского комсомольца”. Он, привыкший за всю свою жизнь

к превосходным оценкам в прессе, возмущался тем, что молодёжная газета, которой он отдавал лучшие свои стихи, дала ему кличку “гимнюк”.

– Вот времена! Вот нравы!..

Мы, как могли, успокаивали его: “жёлтая газетёнка”, печатает телефоны “жриц любви”... стоит ли обращать внимание... Не знали мы тогда, что спустя некоторое время Михалков станет автором Гимна России!

Повестка дня была проголосована без особых споров. Бондарев предложил избрать меня председателем оргкомитета, а Ф. Ф. Кузнецов, поднагловший в юридических тонкостях, разъяснил: в период подготовки съезда в отсутствие легитимного секретариата и правления комитет обладает всеми правами и полномочиями законного представительства.

Пока главный бухгалтер Ковалёва и Анатолий Жуков подсчитывали, сколько потребуется денег для почти семисот уже избранных делегатов из всех республик, а главное – откуда их взять, подоспели на собрание оказавшиеся в Москве по своим делам Расул Гамзатов, Исхак Машбаш, Алим Кешоков, Мустай Карим, Ринат Мухаммадиев из Татарстана, которые продолжили дебаты.

Чтобы разрядить несколько напряжённую атмосферу, под конец заседания Юрий Лопусов решил поразвлечь нас эпиграммой на Суровцева:

– Критику Юрию Суровцеву, работающему над темой “Конец русской идеи”: “Всю жизнь закапывал он русскую идею. // Корпел, как раб, стирая пот с лица. // Уж силы нет, уж волосы редеют, // А ей, проклятой, нет и нет конца...”

4. Как Анатолий Самуилович выносил из кабинета Артёма Захаровича

Анатолий Жуков так излагает в своих записках “В центре событий” дальнейшее развитие дел.

“После полудня Черниченко собрал свою команду в конференц-зале “Дома Ростовых”. Секретариат новообразованного, “демократического” Союза писателей Москвы, членом которого Т. Пулатов не состоял, решил снять его с должности. Мотивировали это беззаконие тем, что, хотя в организации Черниченко на сегодняшний день членов раз в десять меньше, чем у “консервативного” Союза Владимира Гусева, зато в ней – самые талантливые, мировой известности писатели, “художественный цвет” столицы: А. Приставкин, Ф. Искандер, Л. Разгон, А. Нуйкин, Б. Ахмадулина, Г. Бакланов, Ю. Карякин, Т. Бек, Ю. Левитанский, а также те 157 молодых да удалых, которые чохом, списочно, были утверждены писателями. То есть опять хотят убрать неугодного им человека не по уставу и закону, а по понятиям. Позвали Пулатова из кабинета, где он обсуждал в это время с первым секретарём СП России Борисом Романовым ход подготовки к IX съезду писателей. Вместе они пошли на их собрание. Появление Романова больше всего вызвало неудовольствие присутствующих и бурное негодование самого Черниченко. “Вы что, решили с меня скальп снять? – кричал он. – Или Романов хочет вбить мне в голову свои полуфашистские идеи?!” Пулатов улыбнулся и съязвил, как он это умеет: “Разве плохо, что и в вашей голове хоть что-нибудь да будет?!”

После этих его слов сразу поставили вопрос о его освобождении и проголосовали единогласно, на что Пулатов резонно, ничуть не смущаясь этой наглой агрессивностью (знал, с кем имеет дело), заявил, что решение их неправомерно и бессмысленно. Первичная организация, хоть и московская, не может отстранить первого секретаря СП СССР, избранного Пленумом. Затем вернулся в свой кабинет и отдал под расписку каждому сотруднику аппарата приказ: не выполнять решения собрания представителей организации Черниченко, как нелегитимные...”

Пока мы с Романовым и Жуковым ждали, когда эти заморыши уберутся, явился заведующий Иностранной комиссией Олег Александрович Севергин, заменивший А. А. Косорукова, и, смущаясь, заявил, что трое его сотрудников – Стеженский, Лурье и Грейдинг – отказались поставить свои подписи под моим приказом из-за того, что Черниченко и его компания именовались в нём “путчистами”.

– Пишите рапорт об увольнении этой великолепной тройки! – протянул я Севергину бумагу.

– Слушаюсь! – воодушевлённо отреагировал Олег Александрович, написал несколько строк и засомневался: – А если суд их восстановит?

– Пишите... Пока суд да дело... и съезд наш пройдёт...

Пока я диктовал Ночвиной ещё один приказ о назначении, до утверждения на предстоящем съезде, и. о. секретарями Исполкома членов оргкомитета прозаика-мариниста, капитана III ранга Бориса Евгеньевича Шереметьева и публициста Анатолия Самуиловича Салуцкого, зав. канцелярией Нина Юсуфи положила мне на стол “апрелевскую” газету “Литературные новости”, редактируемую Эдмундом Иодковским, занимавшим стол в кабинете Оскоцкого. Комсомольский поэт-песенник, зарабатывавший себе на хлеб насущный шлягерами о строителях БАМа и других великих свершениях коммунизма, вызывал во мне неприязнь своими вечно невымытыми волосами и ногтями, которые он постоянно грыз. Надо сказать, что один из номеров своей газетки он посвятил восхвалению моего организаторского таланта. Видно, был задуман такой журналистский проект – серия портретов выдающихся демократов. Помнится, номер был об Анатолии Приставкине, ставшем председателем президентской комиссии по помилованию.

Об Анфиногенове я узнал из этой газеты, что он лично пленил семь итальянцев... Мне было жалко этого пожилого фронтовика, который при разговоре со мной часто задыхался от грудной жабы. Что ему надо в этой компании, завлекшей большого человека в водоворот своих мелких политических страстей и взаимной ненависти?..

А что Савельев из компании младотроцкистов? – Да ничего! Лишь вымещает свои подавленные начальством комплексы на сотрудниках.

У Валентина Оскоцкого – миссия идеолога “Апреля”: хитёр, сосредоточен, малословен и, как выпускник Партийной школы при ЦК КПСС, знает политическую подноготную всякого явления в природе, вплоть до засылки зловредными американцами колорадского жучка на наши сельхозгодья.

Владимир Огнев – тихой сапой прибирает к рукам самую богатую организацию в структуре Союза писателей – Литфонд. Через Тимура Аркадьевича Гайдара выходит на его сына Егора Гайдара, правую руку Ельцина, и даже, говорят, подсовывает ему проекты указов и постановлений...

Лежащий передо мной свежий номер “Литературных новостей” открывался кричащим заголовком на две полосы: “Пулатов отстранён от должности первого секретаря Союза писателей за предательство демократии”. Ниже под ёрнической припиской: “Ему дано сорок восемь часов, чтобы покинуть Москву в направлении Тмутаракани” – в подробностях излагался ход собрания под председательством Юрия Черниченко. Не знаю, подделка ли это в духе либеральных газет того времени, но сообщалось, что Евгений Евтушенко из самих Соединённых Штатов Америки прислал телефонограмму с поддержкой решения о моём освобождении...

Поздно, господа... Я уже не под острым оком смотрящих. Я в структуре, работающей над восстановлением законности, пусть даже в одной организации – Союзе писателей, среди всеобщего беззакония в Москве.

“Переиграл ты Евтушенко, – сказал мне Владимир Крупин во время нашей поездки в Болгарию, в гости к тамошним писателям. – Хриstopродавцы этого тебе не простят...” – Прав оказался Крупин.

Распался Советский Союз. После заключения Беловежских соглашений многие структуры бывшего СССР перестали действовать. Это я почувствовал на себе, когда зимой 1992 года оказался с писательской делегацией в Египте. Улетая туда, оставил “на хозяйстве” Бориса Шереметьева и Анатолия Салуцкого. Арабские писатели пригласили нашу делегацию ещё задолго до переворота, разрушившего СССР, и мы надеялись, что встретим в Египте обычный дружеский приём. Не тут-то было. В первый же день прилёта, выстояв очередь в Национальном банке Каира, мы узнали, что наши денежные сертификаты превратились в пустые бумажки, в “беловежки”, как мы стали их называть. Государство, обеспечивающее их золотом, перестало существовать...

Вопреки традициям арабского гостеприимства, нас, граждан без гражданства, не приняли даже в Союзе писателей Египта, зато приставили к нам кучерявого, с оливковыми глазами администратора. Исправно, с утра до вечера, сидел он с нами на гранитных ступеньках банка, пока посольские поды-

скивали меньшее по размеру здание для своей миссии. Мы были предоставлены сами себе и воле Аллаха...

Под вечер третьего дня к нам явился атташе с печальными глазами. Он вручил каждому из нас билет до Дамаска и немного сирийских фунтов. Оказывается, брат нашего сотрудника Бориса Зотова пока ещё оставался послом несуществующего СССР в Сирии и на свой страх и риск вызволил нас из “плена египетского”.

Нас в Дамаске поместили в тёплом посольском домике, но судя по связкам папок с документами и небрежно валявшимся тут и там портретам Горбачёва, здесь тоже ждали перемен.

В день отлёта местная Ассоциация писателей в память не забытой ещё советско-сирийской дружбы прислала за нами машину с водителем и гидом в одном лице – Сарваром, чтобы показать нам разрушенные израильскими оккупантами Голанские высоты.

Помню, как мы поднялись на огромную площадку руин среди поникших к земле оливковых и апельсиновых деревьев. Единственное здание, где стояли стены с пробоинами, по которым прямой наводкой была израильская артиллерия, была христианская церковь, вокруг которой хрустели под ногами осколки цветных витражей. Сарвар сказал, что церковь XII века, она выстояла, а от мечети неподалёку вообще ничего не осталось – израильтяне сравняли её бульдозерами.

Сарвар поднял большой кусок витража с изображением Богоматери, вытер рукавом и пояснил:

– Мариям умм Иса... Матерь Иисуса, – и спрятал в боковой карман куртки.

Этот осколок витража, подаренный мне Сарваром, до сих пор хранится у меня среди реликвий.

* * *

Младотроцкисты не унимались. По мере приближения IX съезда писателей действия их принимали всё более отчаянный характер.

В апрельское утро, ещё веющее уходящим холодом, зайдя во двор “Дома Ростовых”, я увидел всех наших сотрудников, переминающихся с ноги на ногу на обледенелой площадке возле памятника Льву Николаевичу.

Анфиногенов сменил охрану и велел по списку пропускать в дом лишь тех, кто не признал оргкомитет съезда, а это всего восемь человек из числа всех сотрудников.

В окне редакции журнала “Чудеса и приключения”, занимавшего правый флигель, я увидел Бориса Шереметьева. Борис Евгеньевич обзванивал писателей и просил прийти на помощь.

Вскоре к памятнику Толстому подтянулись: оргсекретарь СП России Геннадий Гусев, Юрий Лопусов, московский секретарь Владимир Гусев, Владимир Ленцов, издававший “Благотворительную библиотеку поэта”, помощники И. Ф. Стаднюка из Ассоциации баталистов и маринистов, Пётр Алёшкин из издательства “Голос”, Анатолий Салуцкий вместе с взволнованным Жуковым.

Не тратя времени на обсуждение, писатели ринулись к главному входу, сорвали замок с двери, оттолкнули двух охранников и побежали по коридорам и этажам, увлекая за собой сотрудников.

Не успел я ощутить сладость борьбы и победы, как Салуцкий ворвался в кабинет к Анфиногенову, вырвал из его рук телефонную трубку, в тот момент, когда тот кричал: “Милиция!!!” – одним рывком поднял престарелого борца с “фашизмом” на руки и ринулся к окну. Я крикнул, всерьёз испугавшись, что Анатолий Самуилович спустит Артёма Захаровича в открытое окно со второго этажа. Крик мой остудил Салуцкого. Он развернулся со своей ношей и понёс съёжившегося, вдруг ставшего с виду в два раза короче Анфиногенова по коридору, потом вниз, поставил его сбоку от памятника *непротивленца* злу Толстого во дворе и, вернувшись, сказал охранникам:

– Этого не пускать!

Те, ошеломлённые нашими чёткими действиями по освобождению здания от того, кто представлялся им главным начальником, услужливо подали ключ от моего кабинета. Шереметьев и Ленцев решили заночевать в кабинете

Анфиногенова напротив, на случай, если младотроцкисты попытаются взять реванш.

Я продиктовал взволнованной Ночвиной проект приказа об увольнении Анфиногенова, Оскоцкого, Савельева, Суровцева и почти всей Иностранной комиссии, которая теперь фактически перестала существовать.

– Не подадут ли они в суд? – высказала мнение Наталья Ивановна, хотя и чувствовалось, что она довольна таким исходом.

– Пока суд да дело, мы уже будем работать в другой организации, – ответил ей я.

Какая тяжесть свалилась у всех с плеч, когда был положен конец двоевластию!

Слабым трением проснулась “вертушка”, глухо молчавшая ещё с отъезда Евтушенко.

– Что у вас произошло, Тимур Исхакович? – послышался с другого конца провода глуховатый бас прокурора Москвы Геннадия Семёновича Пономарёва.

Я кратко рассказал.

– Но ведь и Анфиногенов, и другие жалобщики тоже имеют право занимать кабинеты в “Доме Ростовых”.

– Имели. До сего дня. Пока не попытались захватить всё здание и выселить сотрудников на улицы. Рабочий оргкомитет готовит съезд. Он и решит все имущественные споры.

– Я в курсе, – устало ответил Пономарёв. – Как законник, я не имею права на эмоции, но мне жаль, что такое творится среди писателей, многих из которых я читал. Только, ради Бога, без излишних эмоций, которые отличают творческих людей от нас, грешных...

В тот день случилось ещё одно выдавливание захватчиков. Воодушевлённый успехом Анатолий Жуков позвал разгорячённых бойцов за собой в “Советский писатель”, где две комнаты незаконно занимал некто Григорьянец, устроивший в здании корпункт радио “Свобода”. По поводу его выселения мне не звонил прокурор Москвы, с которым я имел прямую связь: он всегда терпеливо выслушивал и, где возможно, старался помочь. Из-за этого среди требований младотроцкистов к Ельцину после октября 93-го года было снятие Геннадия Семёновича с должности и замена его своим человеком. Так и произошло.

А тогда облегчение после всех происшедших событий в Союзе почувствовали многие писатели, ранее обходившие за версту “Дом Ростовых”. Прослышав о подготовке к съезду, сначала потянулись к нам писатели старшего поколения – Виктор Розов, Яков Козловский, Константин Ваншенкин, Михаил Алексеев, Пётр Проскурин, многие другие. Сергей Владимирович Михалков собрал их в Совет старейшин, под эгидой которого устраивались творческие вечера, собрания фронтовиков, юбилеи, обсуждение кандидатур на повышенную президентскую пенсию для заслуженных творческих работников. Первыми в списке оказались Галина Уланова и Виктор Розов.

Но не смогли мы представить на эту пенсию поэтессу-фронтовика Юлию Друнину. Запали в память её слова, переданные Яковом Абрамовичем Козловским: “Неужели не доживу до таких дней, когда в газетах перестанут врать и извращать историю Великой Отечественной войны, а по телевизору было бы что посмотреть, кроме Аллы Пугачёвой?..” Не дожила... Закрывшись в гараже, задыхнувшись от газов включённой автомашины. Не захотела смириться с гибелью страны, которую защищала на фронте...

Старейшины возмутились, когда узнали, что мэр Лужков устроил блокаду квартиры Валентина Распутина, желая выселить одного из “идеологов ГКЧП” с законно занимаемой им жилплощади. Отключил водо- и теплоснабжение, электричество и телефон. Расул Гамзатов и его друг, переводчик Яков Козловский, заявили, что добьются приёма у Юрия Михайловича и объяснят ему, какое место занимает Распутин в отечественной литературе, и что взгляды спорят, а вот о взглядах не спорят. С коллективным письмом они отправились на приём к градоначальнику, но Лужков принять их не соизволил.

После многодневных издевательств московских властей над писателем вопрос положительно решил не кто-нибудь, а Сергей Станкевич, от которого этого меньше всего ожидали! Он, курировавший из Кремля культуру, попросил Лужкова оставить писателя в покое. Юрий Михайлович подчинился, зато приобрёл ценный опыт “коммунальной блокады”, применённый им в сентяб-

ре-октябре 1993 года, когда он, в угоду Ельцину, распорядился прекратить подачу воды и электричества в здание Верховного Совета России, где засели непокорные депутаты.

Старые писатели приходили в “Дом Ростовых”, скорее, по привычке. Организация уже не могла помочь им в издании книг, в поездках по стране и за рубеж, в получении наград и путёвок в Дома творчества. Теперь, кроме накрытого стола в конференц-зале с дешёвым вином и бутербродами да бесплатных обедов в подвальном кафе, помочь им было нечем.

С молодыми авторами было сложнее. Семинары и вечера поэзии их не удовлетворяли. Со свойственной нынешней молодёжи меркантильностью, они хотели получить рекомендации в журналы и издательства, которые, на деле, уже ушли от Союза писателей. Назначенные писателями по “списку Евтушенко” за прошедший год прекрасно сориентировались, на кого работать, кого превозносить – “новорусских” банкиров и авторитетных дельцов, финансировавших различные премии: “Букер”, “Национальный бестселлер”, “Триумф” и др.

Но несмотря на бодрые мелодии и аплодисменты во время вручения “Букера”, “Тэффи” и подобных им подачек, в стане тех, кто двадцать лет назад начинал завоёвывать литературное и информационное поле, иной раз прорывались сомнения в моральном облике служителей нового олигархата.

Прошло время, и “триумфоносцы” были замечены на шествии под названием “Контрольная прогулка” в Москве 13 мая 2012 года. Казалось, что они свернут с маршрута, выйдут из толпы и направятся к Поварской, где в Большом зале ЦДЛ будут сменять друг друга у “Свободного микрофона”, как и двадцать лет назад, когда впервые этот микрофон разнёс за пределы Дома литераторов истерические крики и призывы.

Но нет. Пока “Свободный микрофоном” пользуется сейчас новое поколение поэтов. Случайность ли это, но “Свободный микрофон” был возрождён в ЦДЛ спустя два десятилетия, аккуратно в тот месяц, когда ему была принесена первая ритуальная жертва – простой рабочий человек Смирнов-Осташвили...

Как бы я ни относился к писателям, кого близко узнал в Москве в 1991 году, в них был ещё жив советский романтизм. Видно это хотя бы из названия созданной ими организации, навеянного весенним месяцем, – “Апрель”... “Иных уж нет, а те далече!...” И не из принципа известного исхода: “О мёртвых либо хорошо, либо ничего”, – утверждаю, что А. Приставкин, Г. Бакланов, В. Астафьев, В. Быков, Ю. Нагибин, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина и другие, справедливости ради, были намного талантливее, глубже, искреннее в своих произведениях, чем многие нынешние “букероносцы” и “триумфоносцы”, те же Б. Акунин, В. Пелевин, Д. Быков, В. Ерофеев, В. Сорокин, не говоря уж об Улицкой и прочих наших “литературных” дамах.

В том поколении писателей была страсть от пережитой войны и стремление вырваться за рамки дозволенного соцреализмом.

У этих же, писателей, постмодернистов и конструктивистов, проза “лепится” по заранее обдуманной конструкции, без страсти и духа. Они сделали вдохновение ремеслом и продуктом для продажи. И не отсюда ли их стремление захватить внимание читателя нелепым эпатажем и провокациями на культурном поле. Потому представляется, что если “Контрольная прогулка” превратится в новый “Апрель”, она будет действовать подобным же образом или ещё наглее. Впрочем, куда же наглее того, как действовали их предшественники – лауреаты Ленинских, Сталинских, Государственных премий – в октябре 1993 года?!..

(Окончание следует)